

Ее звезда в кинематографе сразу засверкала ярко. Ее имя быстро запомнили, хотя, как правило, она бывала окружена талантливыми партнерами. Кириенко играла обычно женщины трагической судьбы: их душевная высота, поразительная искренность и затаенная сила чувств часто оказывались несоместимы с окружающим их миром.

— Зинаида Михайловна, вы — одна из немногих наших актрис, сохраняющая верность ролям возвышенного плана. Сложилось так по вашей воле или режиссеры вели вас этим путем?

— С этим мироощущением я пришла в свою взрослую жизнь. Я вспоминаю мою бабушку. Сколько она вынесла! В том числе самое страшное — смерть дочери, сына. И при этом не растеряла сердечного тепла, самоотверженности, нежности к нам. Вспоминаю маму, которая прожила очень нелегкую жизнь. Думаю об отце Георгии Константиновиче Широкове, которому довелось испытать почти все тяготы, что выпали на долю его поколения.

— Но у вас другое отчество, другая девичья фамилия...

— Это от моего отчима — Михаила Игнатьевича Кириенко, а родной отец — Широков. Учился до революции в юнкерском училище в Тбилиси, занимался по классу трубы. В 1919-м группу юнкеров, в том числе и моего отца, посадили на корабль и отправили в Англию — видимо, чтобы спасти им жизнь. Англия оказалась равнодушной к ним, и в 1927 году отец вернулся домой — сломанным человеком, душевно раненным. Наверное, потому не задалась его жизнь и на родине. Работал бухгалтером, хотя истинным его призванием была, конечно, музыка. Женился, родились дети, но потом мои родители расстались. А в 1939 году отца посадили. Так он и сгинул, больше мы его не видели.

Мама, человек сильный, решительный, вписалась в эпоху. Родилась я в Махачкале, мама работала там на рыбоконсервном заводе, руководила кружком воршиловских стрелков, носилась на коне, на скаку рубила лозу. В годы войны ей предлагали руководить морским портом в Баку. Была хороша собой, яркая, притягательная.

А жить мама старалась по совести. Однажды решительно отвергла притязания высокого начальника. Вскоре он отомстил ей — пришлось уехать из Дербента, где мы тогда жили, на Ставрополье, в станицу Ново-Павловскую, только что освобожденную от немцев. Там мама заведовала элеватором. Работал на элеваторе и мой пятнадцатилетний брат, хотя, казалось бы, что стоило маме при ее должности взять мешок муки? Но в семье, к счастью, жили другими принципами.

Третья женщина моей судьбы — сестра мамы, Женя. Актриса. Она ушла из дома в пятнадцать лет с цирком, стала воздушной гимнасткой. Ее муж был известный в то время клоун, «коверный» Яков Пименов, похожий на Чарли Чаплина, он и номер работал чаплинский.

Я была ребенком, когда они приехали к нам незадолго до войны. В памяти запечатлелась картинка: красивая, очаровательная тетя Женя в сиреневой, с блестящими шляпе смотрит на меня огромными серыми глазами. Тоненькая, прелестная. А рядом играет на нескольких гармошках-концертино ее муж... Потом в 1943 году пришла телеграмма из Красноярска: «Женя умерла при родах. Яков».

— А вы выбрали кино...

— В нашей станице театра и цирка, разумеется, не было. Было

танцевала Дарья — Люся Хитяева.

— Тема безоглядной, самоотреченной любви продолжала звучать в ваших героинях и после Натальи. Это Анета в «Соро-

Зинаида Кириенко: А Я БЫЛА ДЕВУШКА ГОРДАЯ...

кино, прекрасные фильмы тех лет, герои и героини, в которых мы влюблялись. Их жизнь казалась мне, особенной, нездешней. Этот мир уносил, подымал меня ввысь. По-моему, так воспринимало кинематограф все мое поколение.

— Кого же из тогдашних актеров вы любили?

— Веру Марцеву. А особенно — Аллу Тарасову. Смотрела ее во всех картинах по несколько раз. Впрочем, все пленяло меня в кино. Поехала поступать во ВГИК. Юлий Яковлевич Райзман принял меня в свою мастерскую, но — вольнослушательницей. Надо было год посещать институт, ждать, чтобы утвердиться в правах. А я была девушка гордая. Да тут еще приметила меня Тамара Федоровна Макарова. Сказала: «Приезжай на следующий год, мы набираем курс, тебя примем». И на следующий год стала студенткой Герасимовой и Макаровой.

— Помнится, Герасимов снимал вас уже на первом курсе?

— Да, в новелле «Надежда» — о девушке, поехавшей осваивать целину. А потом пришел Сергей Аполлинариевич на втором курсе и говорит: «Читай, Зина, «Тихий Дон», готовься к роли Натальи». Вскоре были кинопробы, после которых Герасимов сказал: «Да, это Наталья» Утвердил меня. И — полтора года работы над картиной, семь с половиной месяцев жизни на Дону, среди казаков.

— Ну и как, помогли станичники?

— Очень. Не только мне. Некоторые сцены с участием Григория и Аксины, снятые до натуральных съемок, пришлось даже переснимать. Не могу сказать, что станичники встретили нас с распростертыми объятиями. На Дону отношение к этому роману особое — ревнивое. Тогда еще жили те, для кого описанные Шолоховым события — их молодость, так что были казаки к нам придирчивы. Потом увидели, как мы работаем от зари до зари, не щадя себя, — и переменялись. Потеплели. Вынули из сундуков костюмы свои, надевали их на съемку. В картине много местных жителей снималось.

Сергей Аполлинариевич нашел к ним свой подход. Никакая организованная профессиональная массовка не выглядела бы так органично. Герасимов даже в Москву вызывал жителей Вешенской, когда снималась сцена свадьбы Григория и Натальи. Сколько они внесли живых красок, нюансов, какой у них говор был, какие лица. Известные актеры буквально зажигались рядом с ними. Помню, как изумительно

ке-воровке», Ирина в «Судьбе человека», Ефросинья в «Любови земной»...

— Я всегда выбирала роли, близкие моей природе, моему мировосприятию. В кино я прожигала жизни, мне понятные и близкие. Это было счастье.

— Знаю, что вы играли на сцене, уже будучи известной киноактрисой. Как это случилось?

— Первой заговорила со мной о театре Вера Николаевна Пашенная. Позвала к себе домой, повела речь о постановке «Грозы». Надеюсь, что сыграю в Малом театре Катерину. Но в то время я много снималась, из фильма в фильм, часто уезжала из Москвы. Кино всю меня забирало — без остатка.

Позже меня привел в Театр имени Пушкина один из моих партнеров по «Сороке-воровке». Меня сразу приняли в труппу. Я сыграла главную роль в спектакле «Сердце девичье затуманилось» в постановке Бориса Равенских. Играла и в спектаклях Гончарова. Потом пошла в декретный отпуск и ... не вернулась. Стала актрисой Театра киноактера. Это давало больше времени для съемок, поездок по стране.

— Сегодня не жалеете?

— Жалею. Но все же Катерину из «Грозы» сыграла — уже в Театре киноактера.

— А где вы ощущаете себя свободнее — на сцене или на съемках?

— Мне одинаково дороги и сцена, и съемочная площадка... Актер — в кино ли, в театре — всегда должен быть готов ко всему. Нельзя шадить себя, если ты выбрал эту профессию.

Помню, как-то в «Грозе» мне забыли поставить лесенку, по которой спускается Катерина в последней сцене. Я упала в зал. Боли не помню — потом почувствовала. А тогда поднялась, что-то прошептала мужчинам, испуганно поднявшимся в первом ряду, и опять забралась на сцену, начала последний монолог Катерины. Была, как сомнамбула. А зрители, кажется, ничего толком и не заметили. Я была «в образе»...

— Вопрос, который может показаться некорректным. Вот вы снимались «из фильма в фильм». А потом вдруг стали все реже появляться на экране. С чем это связано?

— Мы, актеры, зависим от слишком многих обстоятельств. У меня это отягощено моим собственным нравом, в делах практических я себе, увы, не помощник. К тому же в моей судьбе

повторился эпизод из маминной биографии. На беду, понравилась я, тогда молодая и красивая, одному высокопоставленному лицу. Ответить ему взаимностью не хотела и не могла. А от того това-

отличную карьеру. Но я часто уезжала на съемки, гастроли, концертировала, а он растил наших сыновей — Тимура и Максима.

Ребята выросли достойными людьми. Их не увлекло кино, хотя

рища очень многое зависело в нашем кинемате. Стала замечать, что меня не утверждают на роли, хотя на пробах режиссеры довольны... Я по наивности своей даже приходила к тому начальнику, спрашивала, отчего так со мной происходит, не догадываясь, что всему причиной — его месть за мою неподатливость. Продолжалось это восемь лет, с 1966 до 1974 года. Столько времени у меня было отнято...

— И столько ролей...

— Возможно, будь у меня муж — кинорежиссер, я бы куда больше сыграла. До войны снимали своих жен ведущие наши режиссеры: Александров — Орлову, Пырьев — Ляднину, Герасимов — Макарову, Ромм — Кузьмину и так далее. Все это талантливые замечательные артистки, но кто знает, как бы сложилась их судьба, если бы не мужья. Специально для них писали роли, постоянно снимали. И сейчас — то же самое. Колосов работает с Касаткиной, Панфилов с Чуриковой, Меньшов — с Алентовой...

— Вот вышли бы вы замуж не за вашего Валерия, а за кинорежиссера...

— Ну что вы... У меня прекрасный муж, прекрасные сыновья, невестки, трое внуков. Это моя стена, моя крепость, я защищена ими от невзгод.

— Вы, кажется, с мужем земляки?

— Просто оба южане. Я встретила Валерия во время съемок в картине «Казаки» в Грозном. Он из этого многострадального города. Спортсмен, играл в волейбол за сборную. Когда мы поженились, в городе говорили: «Кириенко увезла самого красивого парня». Он учился в МГУ на экономическом факультете. По своим способностям мог бы сделать

они всегда очень заинтересованно относились к моим картинам, театральным премьерам. Поначала я думала, что младший, Максим, будет артистом. С детства был так пластичен, музыкален. Замечательно танцевал брейк. Как-то привела его на съемки фильма «Любовь земная», там нужен был мальчик его возраста, чтобы сыграть одного из моих, Ефросиньи, сыновей. Вошли в павильон, Максим оглядел декорацию — изба, печь, темнота, лоскутное одеяло, на нем лежат дети. И разрыдался... Пришлось взять другого мальчика.

— Однажды на вашем творческом вечере один из внуков не выпускал из рук кинокамеру. Снимал все с разных точек, менял планы...

— Это старший сын Тимура, Алешенька. Может быть, младшее поколение выберет мой путь? У меня красивые внуки, а я считаю, что на экране должны быть красивые лица. К сожалению, у нас бытует мнение — дескать, ежели красивый человек, то обязательно пустой... Да почему же? Сколько радости, гармонии принесли людям красивые актеры! Если они, конечно, еще и талантливые.

— Зинаида Михайловна, знаю, что вы — внимательный кинозритель. Не изменяете этому даже сейчас, в момент жестокого кризиса нашего кино. Видите ли вы какой-то просвет?

— Вижу. Хотя кризис острый и затяжной, рождающий массу горечи, особенно у тех, кто отдал свою жизнь кино. Но, слава Богу, понемногу начинаем уходить от порнухи с чернухой. Это — как перенесенная болезнь. Надеюсь, все же выздоровеем.

Беседу вела
Эльга ЛЫНДИНА.